

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ

ИЗДАНИЕ ШВЕЙЦАРСКАГО ОТДѢЛА „СВОБОДНАГО СЛОВА“

Ежемесячное обозрѣніе подъ редакціей П. Вирюкова.

<p>Адресъ редакціи Adresse: PAUL BIRUKOFF Ancienne route de Bernex, 49. Quex près Genève, Suisse.</p>	<p>Depots: M. Elpidine Libraire-Éditeur. R-te St. Julien, Carouge (Genève) Société Nouvelle de librairie et d'édition Rue Cujas 17, Paris.</p>	<p>Prix d'Abonnement: Un an Fr. 5. 00 6 mois „ 2. 50 3 mois „ 1. 25 Chaque numero. „ — 50 Съ пересылкой въ Россію 11 fr.</p>
---	--	--

СОДЕРЖАНИЕ: 1. Слава побѣжденнымъ! П. Вирюкова. — 2. Изъ международной жизни: а) Джордано Бруно. б) Языкъ милитаризма. — 3. Изъ русской жизни: а) Русское хозяйничанье въ Финляндіи. б) Преслѣдованіе сектантовъ. в) Адресъ петербургскаго студенчества уволеннымъ профессорамъ. г) Тайные циркуляры по дѣламъ печати. — 4. Духоворы: А. Н. Герцель о духоворахъ. — 5. Отказы отъ воинской повинности. — 6. Къ вопросу о непротивленіи злу насильемъ. А. И. Толстого. — 7. Исканіе женщины. (Окончаніе). У. — 8. Анархизмъ. А. Моравъ. — 9. Сингиза и Вилли. Маттью Арнольда. Переводъ съ англійскаго. П. В.—ва. — 10. Объявленія.

СЛАВА ПОВѢЖДЕННЫМЪ!

Нужно большое геройство для того, чтобы признать себя побѣжденнымъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ такомъ признаніи часто лежитъ ключъ къ личному и общему благу.

Въ Луврскомъ музеѣ есть замѣчательная картина. Не помню имени художника и подробности самой картины уже вылетѣли изъ головы, но самая суть картины глубоко врѣзалась въ моей памяти. На сколько я помню, картина изображаетъ сдачу крѣпости. Подъ стѣнами крѣпости расположился отрядъ, впереди начальство, генералитетъ. Изъ воротъ крѣпости выходитъ побѣжденный гарнизонъ и бросаетъ оружіе. Впереди идетъ молодой барабанщикъ за нимъ начальникъ гарнизона, офицеры и солдаты, проходя мимо свиты побѣдителей. По содержанию картины легко замѣтить, что художникъ на сторонѣ побѣжденныхъ и онъ хорошо выразилъ свое чувство.

На лицахъ побѣжденныхъ выражено столько высокаго человѣческаго достоинств-

ва, что зритель невольно проникается къ нимъ безмѣрнымъ уваженіемъ и удивленіемъ ихъ геройству. Это уваженіе и удивленіе выразилось и на лицахъ побѣдителей, мимо которыхъ они проходятъ. Такъ и кажется, что побѣдители смущены, что имъ стыдно и что они въ глубинѣ души считаютъ себя если не побѣжденными, то во всякомъ случаѣ преступниками.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое осада и каковы человѣческія обязанности начальника осажденной крѣпости, видящаго ежедневно умирающихъ отъ голода, болѣзней и ранъ, видя истощеніе запасовъ и ухудшеніе всего состоянія подчиненныхъ ему людей? Что чувствуетъ онъ, глядя на стариковъ, женщинъ и дѣтей, невинно и невольно несущихъ всѣ ужасы осады и большей частью не переносящихъ ея и гибнущихъ въ ней. Сколько времени долженъ онъ продолжать эту медленную пытку нѣсколькихъ тысячъ людей, когда отъ одного его слова зависить ихъ освобожденіе и спасеніе? Чувство человѣческой жалости должно бороться въ немъ съ нелѣпнымъ, привитымъ ему чувствомъ военной чести и какъ часто въ жертву этому идолу приносятся многочисленныя человѣческія жертвы. И слава тому, въ комъ *человѣчество* побѣдило военную честь.

Картина эта живо вспомнилась мнѣ, когда я прочелъ извѣстіе о сдачѣ Кронъе. Въ немъ побѣдило *человѣчество* и потому слава ему!

И такихъ моментовъ бываетъ много во время войны, и если бы *человѣчества* ча-

ще побѣждало, то войны кончались бы скоро. Въ такомъ положеніи, всегда находятъ двѣ воюющія стороны и та сторона, которую въ данное время побѣждаютъ, можетъ геройски кончить войну, предложивъ заключеніе мира.

Англичане пропустили этотъ моментъ, теперь онъ опять въ рукахъ Буровъ. Достанетъ ли у нихъ мужества прекратить эту бойню и принять такъ называемыя „унизительныя“ условія мира? Если да, то они будутъ дѣйствительными героями.

И тутъ, какъ и вездѣ, нужно быть „какъ дѣти“. Дѣтямъ говорятъ, когда они поссорятся: кто изъ васъ умнѣе и добрѣе, тотъ уступить. И какъ это ни странно, въ этихъ сложныхъ политическихъ международныхъ вопросахъ исполнѣ примѣнимо тоже дѣтское правило.

„Что велико передъ людьми, то мерзко передъ Богомъ,“ сказано гдѣ то. И кажется нѣтъ ничего мерзѣе передъ Богомъ, передъ истиной, какъ „военная слава“.

Похвала людямъ за убійство, за кровь и разбой давно бы должна стать мерзкой, отвратительной людямъ и только тогда истинно великое станетъ понятно и доступно имъ.

П. Вирюковъ.

ИЗЪ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЖИЗНИ.

ДЖИОРДАНО БРУНО

На площади Фіори въ Римѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ памятникъ великому итальянскому философу Джіордано Бруно, ровно триста лѣтъ тому назадъ 17 Февраля 1600 года онъ былъ сожженъ живымъ по повелѣнію святой инквизиціи. Смерть этого мученика вызываетъ въ нашей памяти всѣ тѣ ужасы, которыми церковь создала себѣ славу жестокой, апокалитической „блудницы“ и заслужила справедливую ненависть потомковъ и современниковъ. Эта казнь была одна изъ тѣхъ звѣрскихъ жестокостей, которыми церковь, держащая въ своихъ рукахъ свѣтскую власть, употребляла ее на огражденіе обманываемыхъ ею людей отъ всякаго проблеска свободной мысли.

Во времена Бруно церковь была всемогуща, распоряжалась по своему произволу душами людей и горе тому, кто вооружался противъ догматовъ, на которыхъ она основала свое могущество.

Бруно родился въ Нолѣ въ 1548 году. Ему дали имя Джіордано, когда онъ 24 лѣтъ былъ посвященъ въ орденъ Доминиканцевъ. Свободный и безмякотный умъ, онъ усумнился въ нелѣпость догматѣ безпорочнаго зачатія и долженъ былъ бѣжать изъ монастыря, чтобы не подвергнуться участи всѣхъ еретиковъ. Въ Женевѣ, куда часто скрывались разные „преступники мысли“, онъ оставался недолго, такъ какъ не могъ поладить съ учеными кальвинистами. Обрѣченный на скитальческую жизнь, такъ какъ его смѣлый умъ создалъ ему много враговъ, онъ переправился въ Англію. Тамъ онъ написал свои главныя сочиненія, которыя поставили его на видное мѣсто въ ряду современныхъ ему европейскіхъ философовъ. Въ области точной науки онъ былъ предтечей Галилея, Кеплера и защищалъ теорію Коперника вращенія земли и безконечности звѣзднаго міра.

Писанія Бруно очень цѣнились въ Германіи, особенно въ Виттенбергѣ, гдѣ онъ былъ сдѣланъ профессоромъ университета и его лекціи тамъ имѣли блестящій успѣхъ. Но опять теоретическіе споры между кальвинистами и лютеранами, въ которыхъ онъ принялъ участіе, заставили его покинуть этотъ городъ.

Онъ пробылъ недолго во Франкфуртѣ на Майнѣ, гдѣ отпечаталъ свои сочиненія и потомъ, полагая, что время уже сдѣлало его безопаснымъ, рѣшилъ возвратиться въ Италію и поселиться въ Венеціи. И это рѣшеніе погубило его. Одинъ изъ учениковъ донесъ на него и онъ былъ арестованъ по повелѣнію инквизиціи 23 Марта 1592 года.

Процессъ Джіордано Бруно продолжался 7 лѣтъ, такъ какъ Бруно былъ доминиканецъ, священникъ, ученый и знаменитый писатель, и церковь опасалась скоро покончить съ нимъ. Ему предлагали помилованіе, еслибы онъ отрекся отъ своихъ писаній и возвратился въ лоно церкви. Но Бруно не уступилъ ни убѣжденію отцевъ инквизиціи, ни угрозѣ кнота. Жертва свободы мысли онъ умеръ за правду и расчистилъ путь послѣдующимъ борцамъ за нее.

ЯДЪ МИЛИТАРИЗМА

Въ женской газетѣ „La Fronde“ помѣщено было недавно слѣдующее разсужденіе:

Англійскій развѣдчикъ ѣдетъ на розыски; усталая лошадь едва везетъ его. Онъ встрѣчаетъ нѣсколькихъ бозровъ, которые велятъ ему остановиться. Онъ соскакиваетъ съ лошади и бѣжитъ. Его осыпаютъ градомъ пуль и онъ

падасть пронизанный ими. Воэры подбѣгаютъ, поднимають его, ухаживаютъ за нимъ, даже относятъ его къ англійскимъ аванпостамъ, и такъ какъ солнце слишкомъ горячо, они закрываютъ ему платкомъ лице. „Они были очень добры со мной“ рассказываетъ потомъ раненный.

Вотъ образъ человѣка съ его страстями и противорѣчiami. Солдатъ, но обязательству, котораго онъ большей частью не понимаетъ, старается убивать добрыхъ людей, которые ему ничего не сдѣлали, ради славы своей страны, которая отъ этого ничего не выигрываетъ. Это военный долгъ, дѣло чести. Кончилось сраженіе, побѣда или поражение, все равно, враги за минуту до этого, входятъ въ соглашеніе, чтобы перевязывать раны, которыя они нанесли другъ другу. Это тоже долгъ, дѣло человѣколюбія.

И мы, женщины, хладнокровно и безпристрастно слѣдящія за ходомъ военныхъ дѣлъ, мы спрашиваемъ: для чего нужно было ранить, калѣчить всѣхъ этихъ людей и потомъ стараться лечить ихъ?

Итъ, жестокость вѣсье не такъ врожденна людямъ, чтобы ее нельзя было устранить. Это желаніе видѣть возстановленными тѣ жизни, которыя считалъ своею обязанностью уничтожать, уже достаточно доказываетъ это. Но общества усилленно стараются развить эту жестокость.

Едва родится ребенокъ мужскаго пола, ему уже начинаютъ внушать принципы *чести* и *славы*, т. е. искусство дѣлать зло другимъ, чтобы стать выше ихъ. Барабаны, султаны, латы, и всѣ эти игрушечные доспѣхи и блестящіе костюмы и многое другое напоминаютъ ему безпрестанно его назначеніе: умѣть убивать своего ближняго для достиженія призрачной славы и даже безъ первобытнаго оправданія — чтобы съѣсть того, кого убиваешь. Ребенокъ растетъ, его учатъ кулачнымъ боямъ и его, рожденнаго чтобы любить, настраиваютъ на ненависть къ людямъ, которые живутъ по другую сторону рѣки и говорятъ другимъ языкомъ. Онъ выросъ и все способствуетъ тому, чтобы онъ приложилъ къ дѣлу всѣ злушенныя ему принципы. Вотъ корень военнымъ добродѣтелямъ. Нельзя ли какъ нибудь устранить его?

Въ наше время люди уже съ молокомъ матери всасываютъ чувство человѣчной нѣжности и это стремленіе облегчить страданія раненныхъ большей частью выпадаетъ на долю женщинъ.

Да придетъ же то время, когда споры между народами будутъ разрѣшаться добромъ, когда люди, внушающіе нашимъ сѣновѣтамъ любовь

къ тому, что они называютъ *славой*, понесутъ достойное ихъ названіе отравителей человечества!

ИЗЪ РУССКОЙ ЖИЗНИ

РУССКОЕ ХОЗЯЙНИЧАНЬЕ ВЪ ФИНЛЯНДИИ

Когда англійскій консулъ въ Выборгѣ былъ отставленъ отъ должности за проявленіе сочувствія финляндцамъ, одиннадцатъ другихъ чиновниковъ англійскаго консульства, финляндцевъ по происхожденію, подали въ отставку, заявляя, что они не желаютъ исполнять обязанности, которыя мѣшаютъ имъ выражать открыто свое мнѣніе. Должности эти еще не замѣщены, хотя уже давно пора, такъ какъ время навигаціи приближается.

Вотъ образчикъ новыхъ цензурныхъ правилъ, объявленныхъ финляндскимъ газетамъ:

1. Газеты не должны имѣть бѣлыхъ пропусковъ, указывающихъ на цензурныя сокращенія.

2. Никакая критика цензурнаго постановленія не дозволена.

3. Газеты не должны объяснять своимъ подписчикамъ, что задержка въ изданіи произошла по винѣ цензуры.

4. Запрещается газетамъ публиковать цензурныя распоряженія и правила, которыя уже разосланы или будутъ предписаны впредь.

Всѣ эти правила могутъ быть резюмированы въ такомъ наставленіи: „не смѣй кричать когда я тебя бью!“

Эмиграція финляндцевъ усиливается, въ 1899 г. она достигла 10,000 человѣкъ.

ПРЕСЛѢДОВАНІЯ СЕКТАНТОВЪ

Надъ Россіей тяготѣетъ какбе то темное иго, требующее подчиненія духа и совѣсти русскаго человѣка какимъ-то канцелярскимъ предписаніямъ Синода. Одинъ за другимъ ведутся процессы противъ сектантовъ, раззоряются семьи судимыхъ и за отсутствіемъ хозяина работника и на расходы по веденію судебного процесса и вся эта непроизводительная трата силъ, конечно не приводя ни къ какой цѣли, озлобляетъ людей, запутываетъ религіозные вопросы и останавливаетъ свободное развитіе духа.

Интересны по своей наивности мѣры принимаемыя для борьбы съ расколомъ-сектантствомъ.

Изъ посада Дубовки Саратовской губерніи сообщаютъ:

„Каждое воскресенье въ Успенскомъ соборѣ происходятъ у насъ собесѣдованія съ посадскими сектантами, причемъ обсуждаются вопросы, преимущественно касающіеся перестроенія, освященія воды, св. миропомазанія, составленія мѣра и пр. Слушателей въ соборѣ бываетъ самое ограниченное количество, и болѣею частью изъ темнаго класса населенія, а охотниковъ вести пренія о перечисленныхъ вопросахъ не находится, потому что обрядная сторона не интересуетъ сектантовъ.“

АДРЕСЪ ПЕТЕРБУРГСКАГО СТУДЕНЧЕСТВА УВОЛЕННЫМЪ ПРОФЕССОРАМЪ

Петербургское студенчество, глубоко возмущенное новымъ фактомъ произвола со стороны русскаго правительства, горячо сожалеетъ о потерѣ своихъ лучшихъ профессоровъ. Въ своемъ адресѣ оно привѣтствуетъ Васъ за то, что среди прислужниковъ власти на университетской кафедрѣ, безстыдно продающихъ свои способности и знанія, Вы высоко держали знамя свободной науки, а также за ту общественную роль, которая выпала на Вашу долю въ событіяхъ прошлаго года.

Петербургское студенчество надеется, что эти событія послужатъ къ образованію идейной связи молодежи съ представителями свободной науки и создадутъ честныхъ и смѣлыхъ борцовъ во имя свободы и общественного блага съ беззаконіемъ и произволомъ правительства.

ТАЙНЫЕ ЦИРКУЛЯРЫ ПО ДѢЛАМЪ ПЕЧАТИ

Циркуляръ 11 января 1900 г. № 169.

Главное Управленіе по дѣламъ печати, по приказанію г. Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и на основаніи ст. 140 Уст. о цензурѣ и печати, предлагаетъ гг. редакторамъ безцензурныхъ газетъ и журналовъ не перепечатывать появившагося въ „С-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ (№ 7 и 9 за 1900 г.) сообщенія о предстоящемъ разсмотрѣніи въ особой комиссіи вопроса о мѣрахъ къ предупрежденію распространенія раскола и вообще не касаться въ редактируемыхъ ими изданіяхъ мѣропріятій правительства по расколу за послѣднее время.

Исполн. обязанность Нач. Гл. Упр. по дѣламъ печати Кн. Н. Шаховской.

Циркуляръ 15 января 1900 г. № 276.

Главн. Упр. по дѣламъ печати по порученію г. Управляющаго Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, предлагаетъ гг. редакторамъ безцензурныхъ газетъ и журналовъ не помѣщать въ редактируемыхъ ими изданіяхъ репортерскихъ отчетовъ о концертѣ въ пользу „Общества вспоможенія бывшимъ воспитанникамъ Императорскаго Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ“, имѣющаго состояться 16 сего января, въ воскресенье, въ залѣ Воспитательнаго общества.

Исполн. обяз. Нач. Главн. Упр. по дѣламъ печати Кн. Н. Шаховской.

ДУХОВОРЫ

А. И. ГЕРЦЕНЬ О ДУХОВОРАХЪ

Въ „Вылое и думы“ Герценъ два раза упоминаетъ о духоворахъ. Первый разсказъ интересенъ тѣмъ, что изъ него выдвигается во весь ростъ могучая фигура прежняго духовора, не гнушаго шею ни передъ какой властью. Во время послѣдняго религіознаго подъема среди духоворовъ еще встрѣчались такія личности, но и между ними они становятся рѣдки. Вытъ можетъ эту разсказъ бросить доброе сѣмя на вспаханную почву.

Второй разсказъ представляетъ заключеніе цѣлаго ряда въ высшей степени замѣчательныхъ историческихъ статей Герцена, въ которыхъ онъ разсказываетъ о непоправимомъ вредѣ, нанесенномъ Россіи насильственными Петровскими реформами, разобщившими народъ съ интеллигенціей до полного взаимнаго непониманія и ненависти и указываетъ, что высшій классъ только путемъ личнаго самоотверженія можетъ подойти къ народу и что тамъ онъ также встрѣтитъ безкорыстныхъ друзей и товарищей въ средѣ гонимаго религіознаго сектантства.

„Въ новгородской губерніи, въ царствованіе Екатерины, было много духоворцевъ. Ихъ начальникъ старейшій ямской голова, чуть ли не въ Зайцовѣ, пользовался огромнымъ почетомъ. Когда Павелъ ѣхалъ короноваться въ Москву, онъ велѣлъ позвать къ себѣ старика, вѣроятно съ цѣлью обратить его. Духоворцы какъ квакеры не снимаютъ шапки*)— съ покрытой головой взомель сѣдой старецъ къ гатчинскому императору. Этому онъ вынести

*) Этотъ обычай раздѣлялся далеко не всѣми духоворами и теперь уже почти утраченъ. Ред.

не могъ. Мелкая и цепетильная обидчивость особенно поразительна въ Павлѣ и во всѣхъ его сыновьяхъ, кромѣ Александра; имѣя въ рукахъ дикую власть, онъ не имѣеть даже того звѣрнаго сознанія силы, которое удерживаетъ большую собаку отъ нападенія на маленькую.

— Передъ кѣмъ ты стоишь въ шапкѣ? — закричалъ Павелъ, отдуваясь и со всѣми признаками бѣшеннѣйшей ярости: — Ты знаешь меня?

— Знаю — отвѣчалъ спокойно раскольникъ — ты Павелъ Петровичъ,

— Въ цѣни его: въ каторжную работу, въ рудники! продолжалъ *рыцарственный* Павелъ. Старика схватили и императоръ велѣлъ *лежать* съ четырехъ концовъ село, а жителей выслать въ Сибирь на поселеніе. На слѣдующей станціи кто-то изъ его приближенныхъ, бросился къ его ногамъ и сказалъ ему, что онъ осмѣлился пріостановить исполненіе высочайшей воли и ждетъ, чтобы онъ повторилъ ее. Павелъ нѣсколько отрезвилъ и понялъ, что странно рекомендоваться царю, выжигая селенія и ссылая безъ суда въ рудники. Онъ велѣлъ Синоду разобрать дѣло крестьянъ, а старика сослать на пожизненное заточеніе въ Спасо-Ефимьевскій монастырь; онъ думалъ, что православные монахи додумаютъ его лучше каторжной работы; но онъ забылъ, что наши монахи не только православные, но люди любящіе деньги и водку; а раскольники водки не пьютъ и денегъ не жалѣютъ.

Старикъ прослылъ у духоборовъ святымъ; со всѣхъ концовъ Россіи ходили духоборцы на поклоненіе къ нему, цѣной золота покупали они къ нему доступъ. Старикъ сидѣлъ въ своей кельи, одѣтый весь въ бѣломъ, его друзья обили полотномъ стѣны и потолокъ. Послѣ его смерти они выпросили дозволеніе схоронить его тѣло съ родными и торжественно пронесли его на рукахъ отъ Владиміра до Новгородской губерніи. (Сочиненія, томъ VII, стр. 201—202).

Второй разсказъ относится ко временамъ декабристовъ.

Въ Усольскомъ заводѣ одинъ изъ ссыльныхъ декабристовъ князь Оболенскій пошелъ рано утромъ, на назначенное ему мѣсто рубить деревья. Во время его работы показалея изъ лѣсу какой то человекъ, посмотрѣлъ на него пристально, пріятливо и пошелъ своей дорогой. Вечеромъ, идучи

дѣлалъ знаки, указывая на лѣсъ; на другое утро онъ вышелъ изъ чащи и указалъ Оболенскому, чтобы онъ шелъ за нимъ. Оболенскій пошелъ. Завелъ его въ чащу, онъ остановился и торжественно сказалъ ему — „Мы давно знаемъ о вашемъ прибытіи, въ пророчествѣ Іезикиїля сказано о васъ. Мы васъ ожидали, нашихъ здѣсь много, *надѣйтесь на насъ, мы васъ не выдадимъ!*“ Это былъ сильный духоборецъ.

Давно Оболенскій мучился желаніемъ имѣть вѣсти о своихъ черезъ княгиню Трубецкую, которая пріѣхала въ Иркутскъ. Средства ей доставить письмо не было никакихъ. Оболенскій попросилъ помощи раскольника. Тотъ не долго думалъ. „Завтра въ сумерки, сказалъ онъ, я буду на такомъ-то мѣстѣ, принесите письмо, оно будетъ доставлено!...“ Оболенскій отдалъ ему письмо и онъ въ ту же ночь отправился въ Иркутскъ, черезъ два дни отвѣтъ былъ у Оболенскаго.

Что было бы, еслибъ его поймали?

— Свои не считаются....

Раскольникъ заплатилъ со стороны народа за Радищева.

И такъ въ лѣсахъ и рудникахъ Сибири, впервые Россія петровская, помѣщичья, чиновническая, офицерская и Русь черная, крестьянская, селъская, обѣ сосланныя, скованныя, обѣ съ топоромъ за поясомъ. обѣ, опираясь на заступъ и отирая потъ съ лица, взглянули другъ на друга и узнали давно забытыя родственныя черты. Пора тому же совершиться бѣлымъ днемъ, громко, открыто, вездѣ.

Пора дворянству, искусственно поднятому нѣмецкими машинными надъ общимъ уровнемъ, въ своемъ водоемѣ, слиться съ окружающимъ моремъ.... (Сочиненія, томъ X, стр. 186).

ОТКАЗЫ ОТЪ ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ

1. Во французскихъ газетахъ появилось недавно извѣстіе о томъ, что *шестьдесятъ девять* молодыхъ людей въ Эльзасѣ отданы подъ судъ за уклоненіе отъ отбыванія воинской повинности посредствомъ эмиграціи. Имущество этихъ людей конфисковано.

Газета „Les Temps Nouveaux“, приводящая это извѣстіе, прибавляетъ, что хотя есть и гораздо болѣе простой способъ протеста противъ военной службы, простой отказъ, но тѣмъ не менѣе примѣръ этихъ молодыхъ людей заслуживаетъ подражанія.

2. Въ Монпелье, шесть молодыхъ людей, призванныхъ къ отбыванію воинской повин-

ности отказались вынимать жребій, выразивъ этимъ протестъ противъ милитаризма и арміи.

Въ присутствіи, на торжественныя слова префекта: „вынимайте жребій“ каждый изъ нихъ отвѣтилъ; „отказываюсь!“ Тогда префектъ спросилъ ихъ: „зачѣмъ же вы пришли?“ Чтобы протестовать! отвѣчали они. И выходя изъ присутствія, они воскликнули: „да здравствуетъ свобода“, „долой войну“. Затѣмъ они прогуливались по городу, нося на платьѣ красную кокарду, обернутую чернымъ креномъ въ знакъ траура по всѣмъ жертвамъ милитаризма.

На двухъ лентахъ спускавшихся съ кокарды можно было прочесть девизъ Бланкі: „Ни Бога ни господина“.

Манифестація была очень внушительна и мѣстные газеты должны были заговорить о ней.

Черезъ день, въ третьемъ кантонѣ два молодое челоѣка такимъ же образомъ заявили протестъ.

Въ этой замѣткѣ, которую мы заимствуемъ изъ „Les Temps Nouveaux“, очень характеренъ девизъ „Ни Бога ни господина“, показывающій, что церковники такъ изгадили имя Бога, что все чаще и чаще люди съ самыми лучшими нравственными порывами, старательно избѣгаютъ его. Ред.

3. Голландская газета „Vrede“ сообщаетъ отъ 15 марта 1900 г. слѣдующій характерный случай:

Таккенбергъ, отказавшій исполнять военную службу былъ заключенъ въ тюрьму. Послѣ нѣсколькихъ дней предварительнаго ареста онъ былъ переведенъ въ военный госпиталь. Тамъ его держали до 3 марта. Утромъ въ этотъ день его повели обратно въ казарму, гдѣ въ присутствіи нѣсколькихъ военныхъ чиновъ ему приказывали маршировать, стоять и отдавать честь и исполнять другіе военные приемы и обязанности. Эти приказанія ему повторяли нѣсколько дней подрядъ, но исполнѣ безуспѣшно, ни одного изъ нихъ онъ не исполнилъ.

Таккенбергъ въ отвѣтъ повторялъ все тоже, что онъ говорилъ и прежде, что не какъ солдатъ не повинуется военной дисциплинѣ, а какъ христіанинъ онъ не можетъ дѣлать того, что отъ него требуютъ.

Можно было бы предположить, что послѣ этого его отведутъ назадъ въ тюрьму; ничуть не бывало. *Его отпустили на свободу.* Черезъ нѣсколько минутъ послѣ послѣдняго упражненія надъ нимъ, онъ уже стоялъ на улицѣ и могъ распоряжаться собою.

КЪ ВОПРОСУ О НЕСОПРОТИВЛЕНІИ ЗЛУ НАСИЛІЕМЪ *)

Я долгимъ и тяжелымъ опытомъ пришелъ къ убѣжденію, что аргументировать съ людьми, которые не видятъ того, чего они не могутъ не видѣть—безполезно, потому что такіе люди руководимы въ своихъ разсужденіяхъ не исканіемъ правды, а защитой своего положенія, своего прошедшаго и настоящаго. Аргументировать съ такими людьми все равно, что доказывать стронтелю, который, поставивъ домъ, въ которомъ онъ полагаетъ всю свою гордость и жизнь, и найдя, что углы его дома не прямые, не хочетъ знать и видѣть того, что прямой уголъ есть $\frac{1}{2}$ угловъ по одну сторону прямой.

Ему нужно, чтобы тотъ уголъ, который онъ построилъ, считая прямымъ, былъ бы прямой и потому онъ, умный, серьезный челоѣкъ, не хочетъ и не можетъ понять свойствъ прямого угла. Тоже и съ тѣми возраженіями, которыя я слышу постоянно противъ такой же несомнѣнной и очевидной нравственной истины непротивленія злу насиліемъ, съ двухъ, враждебныхъ другъ другу сторонъ: правительственной консервативной и революціонной.

Одна сторона начала строить тупой уголъ, другая по этому самому стала строить острый. Обѣ стороны негодуютъ другъ на друга, а еще болѣе на угольникъ, который показываетъ имъ, что обѣ неправы. Вы защищаете противъ очевидности и самихъ себя тотъ уголъ, который вы завели и который не сходится съ прямымъ, который вы очень хорошо знаете. И потому я не стану доказывать вамъ того, что вы знаете также какъ и я, но только попрошу васъ на время усумниться въ томъ, что все, что вы дѣлали, было то самое, что должно было дѣлать, и что то самое, что вы намѣрены дѣлать есть то, что должно быть, и съ этой отвлеченной точки взглянуть хоть бы на доводы вашего письма и ясную, прямую цѣль ихъ.

Доводы ваши сводятся къ тому, что челоѣкъ, во имя любви къ людямъ, можетъ и *долженъ* убивать людей, потому что есть какія то для меня таинственныя или самыя понятныя разсужденія, во имя которыхъ люди всегда и убивали другъ друга; тѣ самыя, по которымъ Каіафа нашель, что выгоднѣе убить

*) Помѣщаемое нами ниже письмо Л. Н.—ча, писанное имъ еще въ концѣ 80-хъ гг., прекрасно дополняетъ статью Д. Х., помѣщенную въ № 2 „Св. М.“ за 1900 г. подъ заглавіемъ: „По поводу одной статьи“ и служить прямымъ и полнымъ отвѣтомъ на печатаемыя въ „Недѣль“ статьи: „Подъ пальмами“ В. Соловьева. Ред.

одного Христа, чѣмъ погубить цѣлый народъ. Цѣль же всѣхъ доводовъ есть оправданіе убійства. Вы даже какъ будто негодуете на то, что есть люди, утверждающіе, что никогда не надо убивать, точно также какъ я встрѣчалъ негодующихъ на людей, которые утверждаютъ, что женъ и дѣтей не надобно бить.

Человѣчество живетъ, нравственное сознание растетъ въ немъ и оно доживаетъ сначала до того, что сознаетъ невозможность нравственную вѣсть своихъ родителей, потомъ убивать излишнихъ дѣтей, потомъ убивать ближнихъ, потомъ держать рабовъ, потомъ битьемъ приводить въ согласіе своихъ семейныхъ и потомъ — одно изъ главныхъ приобрѣтеній человѣчества — невозможность убійствомъ и вообще насиліемъ достигать своего совокупнаго блага. Есть люди, дожившіе до этой стадіи нравственного сознанія, — есть люди, не дожившіе до нея. Спорить и доказывать другъ другу нечего. Какъ бы убѣдительно ни доказывали мнѣ, что я достигну большого блага для своихъ дѣтей и для всего человѣчества, если я поучу плетью своего сына, я никакъ не могу этого сдѣлать, какъ и не могу убивать. Я знаю только то, что какъ я не могу драгаться, бить дѣтей, я не могу убивать. И спорить не о чемъ. Одно могу сказать, что тѣмъ, которые хотятъ защитить насиліе и въ особенности убійство, не слѣдуетъ говорить о любви, какъ людямъ, хотящимъ доказать, что острый уголъ ихъ зданія — прямой, не слѣдуетъ говорить о перпендикулярности сторонъ потому что, утверждая это, они сами себя отрицаютъ. Если уже говорить о любви, то никакіе примѣры разбойниковъ никакъ не приведутъ къ необходимости убійства другого, а приведутъ только къ самому простому и неизбежному выводу изъ любви — къ тому, что человѣкъ защититъ другого своимъ тѣломъ, отдастъ свою жизнь, а никакъ уже не возьметъ жизни другого.

Я не хотѣлъ было доказывать, но какъ будто начинаю доказывать. Ну и пускай. Письмо ваше не только заинтересовало, но и тронуло меня: подъ толстой корой (простите меня) вашихъ сужеврій я увидалъ серьезный умъ и доброе сердце, и мнѣ бы хотѣлось братски пошлѣться съ вами тѣмъ пониманіемъ жизни, которое даетъ мнѣ благо.

Вы прекрасно говорите о томъ, что основная заповѣдь есть заповѣдь любви, но неправильно говорите, что всякія частныя заповѣди могутъ нарушить ее. Вы тутъ неправильно сѣшпиваете двѣ разныя вещи: заповѣдь — не вѣсть свинины и хотѣ бы заповѣдь не убивать.

Первая можетъ быть въ разногласіи съ любовью, потому что не имѣетъ предметовъ любви. Но вторая есть только выраженіе той степени сознанія, которой достигло человѣчество въ опредѣленіи любви. Любовь очень опасное слово. Вы знаете, что во имя любви къ семьѣ совершаются самые злые поступки, во имя любви къ отечеству еще худшіе, а во имя любви къ человѣчеству самые страшные ужасы. Что любовь даетъ смыслъ жизни человѣческой, — давно извѣстно, но въ чемъ любовь? Этотъ вопросъ не переставая рѣшается мудростью человѣчества и рѣшается всегда отрицательнымъ путемъ: показывается, что то, что неправильно называлось и проходило подъ фирмой любви — не есть любовь. Убивать людей — не любовь, мучить ихъ, бить ихъ во имя чего бы то ни было, предпочитать однихъ другимъ — тоже не любовь. И заповѣдь — не противиться злу насиліемъ есть такая заповѣдь, указывающая тотъ предѣлъ, на которомъ прекращается дѣятельность любви. И въ этомъ дѣлѣ можно идти впередъ, но не назадъ, какъ вы хотите.

Вѣдь выходитъ удивительное дѣло — вы человѣкъ, признающій то, что смыслъ жизни въ служеніи другимъ во имя любви, вы негодуете на то, что вамъ указанъ вѣрный и несомнѣнный путь этого служенія, въ родѣ того, что человѣкъ негодовалъ бы на то, что опредѣленъ среди мелей и подводныхъ камней вѣрный путь для его плаванія. Зачѣмъ это сѣненіе. Можетъ случиться, что мнѣ надобно будетъ сѣсть на мель? Развѣ не тоже самое вы говорите, когда возмущаетесь на то, что нельзя убивать убивающаго воображаемаго разбойника. „Ну, а если нельзя иначе?“ Ну, а если нельзя иначе, какъ сѣсть на мель? Можетъ быть я сяду на мель, но я не могу не радоваться тому, что у меня есть чуть и не могу не стремиться всѣми силами души идти по немъ.

Вы приводите сравненіе о томъ, что правило не противиться злу насиліемъ подобно правилу не бросать дѣтей въ окно, а между тѣмъ это можетъ понадобиться и потому дѣлаете заключеніе, что положеніе о томъ, что не надо бросать дѣтей въ окно — неправильно. Но вѣдь это прямо противъ васъ. Положеніе это вполне правильно и необходимо. Наставать на томъ, что нельзя запрещать бросать дѣтей въ окна, потому что надобность эта можетъ встрѣтиться при пожарѣ, вѣдь можетъ только тотъ, для кого нужно мучить вообще дѣтей, тому, кто занять такой дѣятельностью, при которой эта необходимость безпрестанно встрѣчается. Простите меня, вѣдь это такъ и есть

въ вашемъ случаѣ. И это то и ужасно. Вы несомнѣнно умный человѣкъ, идете прямо противъ здраваго смысла и несомнѣнно добрый и самоотверженный человѣкъ отстаиваете насиліе и убійство.

Насиліе и убійство возмутило васъ и вы увлеклись естественнымъ чувствомъ, положимъ стали противодѣйствовать насилію и убійству насиліемъ и убійствомъ. Такая дѣятельность, хотя и близкая къ животной, и не разумная, не имѣетъ въ себѣ ничего бессмысленнаго и противорѣчиваго; но какъ только правительства или революціонеры хотятъ оправдать такую дѣятельность разумными основаніями, тогда является ужасающая безумелица и необходимо нагроможденіе софизмовъ, чтобы не видна была бессмысленность такой попытки. Оправданіе такого рода всегда основывается на предположеніи того воображаемаго разбойника, не имѣющаго въ себѣ ничего человѣческаго, который убиваетъ и мучаетъ невинныхъ, и этотъ то воображаемый звѣрь, какъ будто находящійся постоянно въ процессѣ убиванія невинныхъ и служить основаніемъ разсужденій всѣхъ насильниковъ о необходимости насилія; но вѣдь такой разбойникъ есть самый исключительный рѣдкій и даже невозможный случай; многіе люди могутъ прожить сотни лѣтъ, какъ я прожилъ 60 лѣтъ, никогда не встрѣтивъ этого фиктивного разбойника въ процессѣ совершенія своего преступленія. Зачѣмъ же я буду правиломъ своей жизни основывать на этой фикціи?

Разсуждая о дѣйствительной жизни, а не о фикціи, мы видимъ совсѣмъ другое: мы видимъ людей, и даже самихъ себя совершающихъ самыя жестокия дѣла, во-первыхъ не одиночно, какъ воображаемый разбойникъ, а всегда въ связи съ другими людьми и не потому, что мы звѣри, не имѣющіе ничего человѣческаго, а потому, что мы находимся въ заблужденіяхъ и соблазнахъ. Мало того, разсуждая о жизни, мы видимъ напротивъ, что самыя жестокия дѣла, какъ погоня людей, динамиты, висѣлицы, гильотины, одиночныя тюрьмы, собственность, суды, власть и въ ея послѣдствіи, всѣ протекать не отъ воображаемаго разбойника, а отъ тѣхъ людей, которые основываютъ свои правила жизни на нелѐпой фикціи воображаемаго звѣря разбойника. Такъ что человѣкъ, разсуждающій о жизни, не можетъ не видѣть, что причина зла людей никакъ не лежитъ въ воображаемомъ разбойникѣ, а въ заблужденіяхъ своихъ и другихъ людей, изъ которыхъ одно изъ самыхъ жестокихъ состоитъ въ томъ, что-

бы во имя воображаемаго зла совершать дѣйствительное, и потому такой человѣкъ, направивъ свою дѣятельность на причину зла, на искорененіе заблужденій въ себѣ и другихъ, и посвятивъ на это свои силы, увидитъ передъ собой такую огромную и плодотворную дѣятельность, что никакъ не пойметъ даже зачѣмъ ему для его дѣятельности фикція о разбойникѣ, на котораго по всѣмъ вѣроятіямъ онъ никогда не наткнется. Если же, и наткнется, то сдѣлаетъ и по отношенію къ разбойнику по всѣмъ вѣроятіямъ совсѣмъ другое, чѣмъ тотъ, который всю свою жизнь еще никогда не видавъ разбойника, злобится на него.

Теперь я прошу и васъ простить меня, если я написалъ что либо рѣзкое и постараюсь понять меня тамъ, гдѣ я не точно выразился, а главное вѣрить, что побужденіе мое при писаніи этого письма было одно — любовь и уваженіе къ вамъ и желаніе быть вамъ полезнымъ.

Любящій Васъ Левъ Толстой.

ИСКАНІЕ УВѢЖИЩА

II *).

На нашей памяти въ Россіи постепенно совершается зараженіе ея правящихъ классовъ европеизмомъ. Денежная сила въ сознаніи русскихъ людей превращается въ денежное право. Правительство русское не только давно перестало быть самъ державнымъ, но перестало быть и олигархическимъ. Оно перешло въ руки безчисленнаго количества лицъ, людей денежныхъ, биржевыхъ дѣльцовъ, русскихъ и иностранцевъ, которые, какъ черви на загнивающемъ трупѣ строятъ свое царство или скорѣе свою факторію, пользуясь всѣми тѣми благоприятными имъ условіями, которыя представляютъ старая, отжившія и отживающія формы жизни прежней Россіи — безконтрольность и безотчетность высшей власти и связанность и темнота простого народа.

Богатство освобождаетъ человѣка отъ всѣхъ жизненныхъ связей, сословныхъ и національныхъ рамокъ. Синдикаты переступаютъ черезъ всѣ пороги. И мы видимъ цѣлое нашествіе иностранныхъ предпринимателей, которые вѣдетъ съ русскими предпринимателями, соединясь въ общемъ дѣлѣ, расхищаютъ естественныя богатства страны и доводятъ до нищенства

*) См. „Своб. Мысль“ 1900 г. № 2.

народъ, развивая въ немъ кулачество съ одной стороны и нищенство съ другой.

Тотъ, кто видѣлъ заводы только близъ городовъ не можетъ имѣть яснаго понятія о томъ, какъ искажается, шибаетъ и губится жизнь окружающаго населенія и физическая и нравственная, когда вырастаетъ такой заводъ въ глуши, въ деревнѣ, гдѣ никто его не ожидалъ и ничто къ нему не приспособлено. Среди поля строятъ доменные печи и высокія трубы одну за другою, постоянный шумъ и лязгъ, груды шлага кругомъ. Вездѣ грязь и копоть, спуютъ изможденные, грязные, истерзанные молодые и старые люди, безпрерывно тянутся подводы съ желтой и коричневой рудой. Кругомъ завода наскоро выстроенные домики для служащихъ и землянки для рабочихъ и рядъ тоже выстроенныхъ недавно и нарочно лавокъ, кабаковъ и публичныхъ домовъ. Ночью мимо завода стало опасно ходить.

За 12 часовую, каторжную работу рабочіе получаютъ около 1 руб. на своихъ харчахъ. Заводъ все поглотилъ. Кругомъ конны хлѣба мокнуть, неубранныя поды дождемъ, а подводы, не переставая, возятъ руду.

Но этотъ матеріальный упадокъ страны ничтоженъ въ сравненіи съ упадкомъ нравственнымъ. Народныя школы съ обязательнымъ православнымъ направленіемъ развиваютъ безвѣріе и лицемеріе и рядомъ съ упадкомъ вѣры въ Бога развивается вѣра въ деньги, сперва, какъ серьезное средство охраненія себя отъ всякихъ насилій, а потомъ и какъ средство самому властвовать. Перемена мнѣнія народа о богатствѣ совершается на нашихъ глазахъ. Теперь не встрѣтишь такого осужденія заводу, грабительству всю округу, какое слышали бы прежде о какомъ нибудь помѣщикѣ или чиновникѣ, не дѣлавшемъ и сотой доли всѣхъ тѣхъ преступленій, на которыхъ утверждается существованіе завода. Напротивъ вамъ скажутъ, что заводъ кормитъ. Можно подумать, что народъ оуптанъ и не понимаетъ того, что съ нимъ дѣлаютъ теперь, а понимаетъ то, что съ нимъ дѣлали прежде. Нѣтъ онъ понимаетъ, но онъ знаетъ, что съ этой новой безличной силой нѣтъ сладу и потому примѣняется къ ней и беретъ отъ нея тѣ крохи, которыя ему даютъ. Этому чуждому, новому дѣлу, врывающемуся въ его жизнь нѣтъ дѣла до вѣрованій и міровоззрѣнія народа, онъ презираетъ ту среду, въ которую врывается. Русскій народъ долженъ чувствовать то, что чувствуетъ негръ

при приближеніи европейскихъ броненосцевъ. И дѣйствительно русскій народъ становится въ положеніе негровъ и китайцевъ относительно своихъ правящихъ классовъ. Правящіе русскіе люди безъ различія направленія либеральныя и консервативныя примкнули къ денежной Европѣ и обращаютъ въ колонію свою собственную родину. Либеральныя только тѣмъ отличаются отъ консервативныхъ, что они не просто продаютъ своихъ ближнихъ, а по теоріи, которая всегда такъ услужливо является, когда она нужна, по которой теперешнее ограбленіе народа является необходимой стадіей егѣ экономическаго развитія *).

Грабящіе не знаютъ и не хотятъ знать тѣхъ, кого они грабятъ и эта безличность придаетъ ту жестокость, съ которой за тѣ крохи, которыя даютъ рабочимъ, отбираютъ у нихъ ихъ благосостояніе, здоровье, жизнь и наконецъ душу, изнашиваютъ ихъ безъ остатка. Какъ не потерять душу человѣку, у котораго все отняли и показали одну дорогу выйти изъ той каторги, въ которую онъ попалъ: самому стать того же духа, который царитъ на всѣхъ желѣзныхъ дорогахъ, заводахъ, пріекаяхъ — повѣрить въ спасеніе въ деньгахъ и признать безнаказанность денежнаго насилія, признать удовлетвореніе своихъ похотей за свое справедливое право всегда и во что бы то ни стало.

То, что революціонная пропаганда въ последнее время имѣетъ успѣхъ на заводахъ и фабрикахъ въ Россіи среди рабочихъ есть лучший показателъ нравственнаго и религіознаго упадка русскаго рабочаго человѣка. Это же есть показателъ того, что духъ денежной европейской жизни привить и привился у насъ, чего по силѣ поръ не было: до сихъ поръ великія революціонныя пропаганды не прививались у насъ въ народѣ и были чужды его христіанскому духу.

Близорукіе или недоброжелательные люди изображаютъ нынѣшнее Россійское государство сильнымъ и вліятельнымъ, внушающимъ страхъ и уваженіе въ Европѣ. На дѣлѣ съ Россіей повторяется то, что разъ уже повторилось въ Московскомъ Государствѣ. Въ Москвѣ были приняты нравы и міровоззрѣнія Золотой Орды и Московская орда переселила Золотую, что было названо уничтоженіемъ татарскаго ига. Теперь повторяется тоже относительно Европы.

*) Еслибы эти либералы жили во время монгольскаго нашествія, они бы сказали, что это намѣстіе необходимое условіе развитія русскаго народа.

Русское государство все задолженное европейским банкирам и обираемое всеми европейскими державами и помыкаемое ими для своих целей в продолжение всего императорского периода, наконец отказывается от всякой самостоятельности. Русские люди долгим опытом и разочарованиями извѣрились в возможности участвовать в русском управлении. Было время, когда Герцен мог много ждать от Александра II, последние славянофилы думали найти и некали живую душу в этом умравшем тѣлѣ. Теперь нѣтъ никакого сомнѣнія, что оно умерло. Распадаются последние слѣды, оставленные прежней государственной жизнью — разлагаются земства, городское самоуправление, уставы высшихъ учебныхъ заведеній, уничтожены совѣстные судьи и восстановлено тѣлесное наказаніе. Вѣ этомъ оставленномъ мертвомъ остовѣ остались одни нефтяники и къ нимъ конечно сбѣжались все нефтяники европейскіе. Паровикъ не перестали топить, но приводѣ переставленъ и чувствуется дѣятельный новый хозяинъ. Администрація взявшая въ свое управление дѣла запутавшагося и взятаго подъ опеку русскаго барина выясняетъ его счета, уплачиваетъ русскимъ людямъ 60 коп. за рубль и устанавливаетъ постоянный курсъ. Прежніе кредиторы стали хозяевами и русскій курсъ становится ихъ курсомъ и потому насколько прежде были имъ выгодны колебанія этого курса, на столько теперь, пока капиталы этихъ дѣльцовъ компрометированы въ предпріятіяхъ на русской землѣ, имъ нужно его постоянство. Появляется золото, ихнее, все вновь отчеканенное, разрабатываются рудники, строятся заводы, желѣзная дорога въ Китай, заводится колониальная политика — въ Россіи то, при своихъ незаселенныхъ пространствахъ — но нефтяникамъ не интересны эти пространства именно потому, что они не заселены и тамъ некому продавать своихъ произведеній и нечего покупать.

Единственный уголокъ Россіи — Финляндія, благодаря своей конституціи могла не поддаваться этому разграбленію *). Пускается въ

*) Въ ней, напримѣръ, хотѣли откупить Иматру, устроить турбины и продавать электрическую энергію на сторону, но она рѣшительно отказала. Тоже намѣрена сдѣлать англійская компанія съ рѣкой Водховымъ. Взять въ свои руки эквипажацію судостроения, устроить турбины на шлюзахъ и продавать электрическую энергію въ Петербургъ. Такимъ образомъ вся мѣткость по рѣкѣ лишится дешевой силы.

ходѣ самодержавная воля и отъ нея имени начинаютъ урѣзывать права ничего не ожидающей Финляндіи, а она въ своемъ непониманіи доказываетъ свою невинность, незаслуженность нападѣнія, выставляетъ свою вѣрность царю и его предшественникамъ дарованной конституціи; сторонніе люди указываютъ на неоплотничность и невыгоду для Россіи возстановлять противъ себя окраину, а работа продолжается.

Нѣсколько тысячъ духоборовъ выпускаютъ за границу и всехъ это удивляетъ. Одни недоумѣваютъ, отчего такъ мягко поступило правительство — не сослало ихъ всехъ въ Сибирь, другіе удивляются такому количеству потерянныхъ для Россіи трудолюбивыхъ русскихъ поселенцевъ на окраинѣ. Тутъ и такъ русскаго элемента всего 3⁰/₁₀. Но дѣло въ томъ, что русскому новому правительству и не нуженъ русскій элементъ на окраинѣ и не нужны трудолюбивые поселенцы, притомъ же доставляющіе много хлопотъ да и большой несправедливости оно къ нимъ не имѣетъ. Ему все равно, лишь бы ему не мѣшали дѣлать свое дѣло — обогащенія. И оно дѣйствительно богатѣетъ, а народъ нищѣетъ.

И увѣряютъ, что будто все это дѣлаетъ Россія — подъ ея именемъ это все дѣлаетъ та денежная Европа, отечество которой не во Франціи, Англии или Германіи, а въ банкирскихъ конторахъ всего свѣта.

Русскимъ же людямъ достанется отъ всего этого непосильная работа, болѣзни, развратъ, нищета, разоренное население и, что хуже всего, потери того христіанскаго духа, который поддерживалъ нашъ народъ въ его трудной и темной жизни.

* * *

Но русскіе люди не кафры, они просвѣщены тѣмъ свѣтомъ, который, хотя и въ грубой православной скорлупѣ, освѣщали и освѣщали ихъ жизнь и путь. Они разбираются въ своемъ положеніи и не затунить въ нихъ этого свѣта. Напротивъ, этотъ свѣтъ все разгорается. Многія тысячи христіанъ, называемые сектантами, показываютъ это. Они на себя выносятъ всю тяжесть неправды и устраниенія, которыя употребляютъ, чтобы скрыть ограбленіе народа. Они не соблазняются тѣмъ зломъ, которое имъ дѣлаютъ. Но они люди и имъ тяжело и мучительно жить въ Россіи и вотъ они уходятъ.

* * *

Что съ ними будетъ покажетъ будущее. Одно можно сказать пока, что конечно западъ

ихъ принимаетъ не какъ христіанъ, а какъ будущихъ трудолюбивыхъ, надежныхъ поселенцевъ и фермеровъ, и, если кто изъ нихъ захочетъ идти по той дорогѣ, по которой шли другія секты въ Америкѣ, т. е. стать богатыми и независимыми своимъ богатствомъ людьми, сохранивъ, какъ дополнение и украшеніе своей духовной жизни, свое христіанское ученіе, то имъ будутъ даны всѣ средства достигнуть этого. Но если они захотятъ идти впередъ въ своемъ духовномъ развитіи — то они будутъ не ко двору и, разорившись, останутся одиноки, сойдуть на нѣтъ, какъ на западѣ сходитъ на нѣтъ, безъ шума все, что подымается выше общественнаго уровня. У.

АНАРХИСТЪ.*)

(Переводъ съ французскаго П. В—ой).

Въ густо населенномъ и бѣдномъ уголкѣ латинскаго квартала Парижа, противъ позитической церкви St. Médard, подъ крышей одного высокаго дома есть маленькое окошечко. До поздней ночи въ этомъ окошкѣ горитъ огонь и рано утромъ опять зажигается. Тамъ есть крошечная мансарда, куда можно добраться узкими темными лѣстницами. Домъ старый, входъ мрачный. Комната загромождена кучами книгъ, газетъ, всякаго рода бумагъ, остается только мѣстечко для небольшого стола, покрытаго брошюрами и новыми газетами. Крошечная желѣзная печка служитъ и для тепла и для стирки. Нѣсколько стульевъ, какое то подобіе постели, вотъ все, что помѣщается среди этого хаоса книгъ и всякой печатной бумаги уложенной вдоль стѣнъ рядами отъ полу до потолка.

„Хорошо, если бы было попросторнѣе!“ сказалъ мнѣ тихій обитатель этой кельи, встрѣчая меня съ тонкой доброй улыбкой и глядя чистымъ яснымъ взглядомъ человѣка, страдавшаго и не побѣжденнаго жизнью, оставшагося добрымъ.

Я сълъ, чувствуя себя счастливымъ, что могу поговорить хоть немного съ этимъ человѣкомъ, мирнымъ философомъ анархизма, много разъ испытывавшимъ преслѣдованія полиціи, но всегда спокойнымъ и вѣрившимъ въ осуществленіе сво-

*) Мы печатаемъ дословный переводъ статьи, помѣщенной недавно въ Женевской газетѣ „La Suisse“, такъ какъ намъ лично пришлось убѣдиться въ справедливости сказаннаго въ ней; въ одно изъ нашихъ посѣщеній этого замѣчательнаго человѣка, мы испытали подобныя же отрадные впечатлѣнія. Ред.

ей великой мечты всеобщаго братства людей.

Интересна жизнь Jean Grave. Его отецъ былъ чернорабочій, мать — прачка. Нѣсколько су, зарабатываемыхъ Жаномъ въ качествѣ подмастерья у механика, шли на покупку книгъ. 15-ти лѣтъ во время осады Парижа онъ уже вмѣстѣ съ Regez, Tabarand, Henry Bauer выступаетъ ораторомъ въ клубѣ при школѣ правовѣднѣй. Лишившись своихъ родителей, умершихъ отъ чахотки, Жанъ Гравъ дѣлается журналистомъ. Онъ пишетъ въ „Пролетаріи“, въ „Egalité“, работаетъ вмѣстѣ съ Гедомъ, Девиллемъ, затѣмъ вскорѣ сотрудничаетъ въ „Droit Social“, издаваемомъ въ Лионѣ и въ „Revolte“ въ Женевѣ. Во время процесса 60-ти въ Лионѣ послѣ событій въ копихъ Montceau, гдѣ предъ судомъ предстали Краноткинъ, Емилъ Готье, Поль Вернаръ, Гравъ былъ арестованъ, но на другой день выпущенъ. Занимаясь сапожнымъ мастерствомъ, въ продолженіи двухъ лѣтъ, онъ руководилъ Женевскимъ журналомъ „Revolte“, основаннымъ Реклю и запрещеннымъ во Франціи.

Изгнанный изъ Швейцаріи онъ продолжаетъ въ Парижѣ свой журналъ подъ названіемъ „Revolte“.

Въ 1891 г. за статью о Fourmies, онъ отсидиваетъ 6 мѣсяцевъ въ St-té Pélagic и въ это время пишетъ свое знаменитое сочиненіе „La Société mourante et l'Anarchie“, за которое его въ 1893 г. осудили на 2 года тюремнаго заключенія.

Во время процесса 30-ти онъ еще разъ испыталъ 8 мѣсяцевъ тюрьмы, послѣ чего основалъ свой теперешній журналъ „Les temps nouveaux“, редактируемый въ мансардѣ на улицѣ Mouffetard.

Гравъ написалъ много сочиненій: „La Société future“, „La grande famille“, „L'individu et la société“, наконецъ „l'Anarchie“, появившееся недавно.

Разговаривая съ Гравомъ нѣсколько дней тому назадъ въ его маленькой мансардѣ на улицѣ Mouffetard, я думалъ объ его полной тревогѣ, но честной и свободной жизни. Можно ли вообразить себѣ большій контрастъ между холячимъ представленіемъ объ анархистѣ людей никогда не выдавшихъ ихъ и этимъ человѣкомъ, беззавѣтно отдавшимъ всю свою жизнь на служеніе добру.

У меня на столѣ его сочиненія.

Я прочиталъ ихъ и не нашелъ ни одного слова ненависти. Я старался найти, нѣтъ ли въ основѣ ихъ какого нибудь низкаго побужденія, деморализирующей мысли, а съ прочи-

танных страниц вѣяло чудной мечтой, вѣрой въ братство людей и любовью къ обездоленнымъ.

Мечты ли это? Да, Гравъ признался мнѣ въ этой мечтѣ и спокойно высказывалъ мнѣ свои взгляды на современное общество. Онъ искренно хотѣлъ лучшаго человѣческаго общества, гдѣ самоотреченіе и взаимная любовь замѣнятъ сложные законы и приказанія. Онъ вѣритъ въ этотъ идеалъ, страстно призываетъ къ нему, работаетъ для него. Но, можетъ быть передо мной заврашившій мистикъ, разглагольствующій о золотыхъ временахъ, когда все люди будутъ добрыми. Вовсе нѣтъ. Въ Гравѣ поражаетъ точность, логика, ясность его разсужденій.

Ученикъ Прудона, Бакунина, Юрской Федерациі, Граноткина, Реклю, Толстого, исключая христіанство, онъ стремится избѣжать кровавой революціи, если это только возможно. Впрочемъ онъ проповѣдуетъ и возмущеніе и не боится признать это. „La Société mourante“ это протяжный крикъ мучительнаго негодованія противъ эксплуатаціи рабочаго, но тамъ нѣтъ призыва къ преступленію или намѣченію насилія.

Прочитавъ эту книгу, пылкое, чистосердечное изліяніе души терзающейся страданіями другихъ, я вспомнилъ о другихъ книгахъ, заслужившихъ почетъ, славу и награды и авторы которыхъ не преслѣдуемы, а между тѣмъ разрушающее вліяніе ихъ разрушило больше жизней и убило больше сердецъ, чѣмъ честная революціонная рѣчь. Я понялъ, что у общества есть различныя мѣрилы для мысли и что подъ видомъ обычныхъ судебныхъ процессовъ скрываются процессы направленія партій, могучее орудіе, чтобы закабалить въ тюремныя камеры тѣхъ, кто имѣетъ неосторожную смѣлость высказать свое возмущеніе и проповѣдывать его.

Сидя въ тѣсномъ жилищѣ философа анархизма, я спрашивалъ самъ себя, способны ли мы съ такой же прямотой и смѣлостью исповѣдывать наши убѣжденія?

Я близко знаю этихъ людей и они часто заставляли меня чувствовать ихъ превосходство. Каждое судъ заработанное трудомъ, разъ оно не было въ строгомъ смыслѣ слова неослѣдимо для нихъ существованія, ихъ скромнаго пропитанія, употреблялось ими на помощь какому нибудь несчастному товарищу или уличному бѣдняку. Эти люди охраняли Pressensé и Quillard, когда тѣ шли на разожженные страстями народныя митинги для защиты невиннаго. Надо сознаться, что они способны на чрезвычайную смѣлость и не боятся смерти.

Гравъ не сказалъ мнѣ ничего этого, потому

что онъ слишкомъ скромный, но друзья его рассказали мнѣ много чертъ его жизни, говорящихъ о величій его души. Онъ высказалъ мнѣ свои мысли объ обществѣ и о жизни, какъ люди создали себѣ ложныя представленія объ анархизмѣ и знаютъ только то, что говорить о нихъ подкупленная правительствомъ печать, онъ не одобряетъ анархиста, бросающаго бомбу и употребляющаго книжалъ и смѣялся надъ такъ называемыми международными конгрессами, которые въ дѣйствительности узаконяютъ преступленія. Я спросилъ его объ отношеніи его партіи къ социалистамъ: эти двѣ школы, совершенно противоположныя по принципамъ, часто протягиваютъ другъ другу руку, когда дѣло касается несправедливости и произвола. И тѣ и другіе хотятъ видѣть счастье: одни въ образцовой государственной организаціи личности и общества, другіе въ свободномъ расцвѣтѣ человѣческаго существа среди свободѣ. Странная встрѣча у одной и той же цѣли двухъ противоположныхъ теорій, воюющихъ за одно противъ общаго врага: насильническаго произвола властей.

Я спустился съ узенькой лѣстницы, ведущей на мансарду, оставивъ Грера за составленіемъ своего журнала. Я думаю о „злодѣйскихъ законахъ“, о позорныхъ, исключительныхъ законахъ, надъ уничтоженіемъ которыхъ теперь работаютъ прежніе защитники ихъ Трарье, Рейнахъ, теперь признавшие открыто свою ошибку; я думаю, что мы, христіане, можетъ быть совсѣмъ не имѣемъ права судить взгляды этихъ людей, свободныхъ и независимыхъ, что вѣсы нашего правосудія еще недостаточно совершенны, чтобы справедливо взвѣсить все ихъ поступки.

Идя по людной, кипящей дѣлженіемъ, шумной улицѣ, я все время былъ подъ впечатлѣніемъ моего разговора. Я не увидалъ того мрачнаго вертепа, гдѣ, какъ говорятъ, анархистъ, членъ какаго то международного истребительнаго комитета, варитъ въ котлѣ свое всеокрушающее снадобье.

И почему неразумныя преступленія, совершаемыя отчаянными, озлобленными жизнью людьми, часто найденными гдѣ нибудь подъ забормомъ, пользовавшихся вмѣсто солнца лампой мастерской или палившимъ огнемъ кузницы, выросшихъ безъ благодѣтельныхъ привязанностей, быть можетъ встрѣчавшихъ измѣну и предательство тамъ, гдѣ они вѣрили въ дружбу и страдавшихъ за то, что осмѣливались говорить громко тѣ, что другіе думали только про себя, почему преступленія этихъ людей судятъ строже

тѣхъ, которыя совершаются многими озвѣрѣвшими людьми и бывають вызваны пьянствомъ, развращающей литературой хищнымъ эгоизмомъ эксплуататоровъ и некоторыми важными государственными учреждениями, бесчестными позоръ цивилизованныхъ народовъ.

Приближаясь къ центру города, я все слышалъ и теперь еще звучать въ моихъ ушахъ послѣднія слова Грива, сказанныя имъ на порогѣ мансарды кроткимъ, но убѣдительнымъ голосомъ: „Мы, анархисты, атеисты, свободно-мыслящіе, мы не убиваемъ столько, какъ ваши христіанскіе войны, обдуманная въ вашихъ христіанскихъ парламентахъ“. Что отвѣтить ему на это?

Пожелаемъ, чтобы всѣ анархисты были похожи на Жана Грива.

А. Морзье.

СПИНОЗА И БИБЛІЯ

„Spinoza and the Bible“, by Mathew Arnold).

(Переводъ съ англійскаго П. В.—вал.)

„По приговору ангеловъ, по повелѣнію святыхъ, мы предаемъ анаемъ, отлучаемъ и проклинаяемъ Баруха Спинозу передъ семи священными книгами съ 630 написанными въ нихъ правилами, той анаемой, которой Иисусъ Назвинъ проклялъ Иерихонъ. Проклятіемъ, которому Елисей предасть дѣтей и всеми тѣми проклятіями, которыя написаны въ книгѣ Закона: Да будетъ онъ проклятъ днемъ и ночью, проклятъ, когда онъ ложится и встаетъ, проклятъ, когда онъ входитъ и выходитъ. Да не проститъ Господь ему никогда. Да обрушатся на челоуѣка сего гнѣвъ и ярость Господни и да навлекутъ они на него всѣ проклятія, написанныя въ книгѣ Закона. Господь да вычеркнетъ имя его подъ небесами. Господь да изгонитъ его изъ колѣнъ Израилевыхъ со всеми проклятіями неба, написанными въ книгѣ Закона.... Да не говоритъ съ нимъ ни одинъ человекъ и да не пишетъ ему никто, да не окажетъ никто ему благосклонности, да не живетъ никакой человекъ подъ одной съ нимъ кровлей и да никто къ нему не приблизится.“

Съ этимъ ласковымъ обращеніемъ, свойственнымъ богословской партіи, евреи Португальской синагоги въ Амстердамѣ постановили въ 1656 году, (а не въ 1660, какъ это до сихъ поръ обыкновенно предполагалось) свое рѣшеніе относительно своего собрата Баруха (Бенедикта) Спинозы. Они остались сынами Израиля

онъ же сдѣлался сыномъ современной Европы.

Это произошло въ 1656 году, а Спиноза умеръ въ 1677, въ возрастѣ сорока четырехъ лѣтъ отъ роду. Онъ не приобрѣлъ славы. Его библійская жизнь (жизнь непрерывнаго труда, кротости и чистоты) — протекла въ уединеніи. Но вопреки этому уединенію и кратковременности поприща, вопреки догматической формѣ его главнаго произведенія, чуждой фамыжъ основнымъ стремленіямъ современной философіи, вопреки, наконецъ, промадной силѣ враждебной ему касты, давно обвинявшей его въ атеизмъ, имя Спинозы молчаливо возстало. Онъ самъ и его произведенія привлекли къ себѣ постоянно увеличивавшееся вниманіе и вскорѣ сдѣлались центральнымъ пунктомъ интереса въ исторіи современной философіи.

Главное сочиненіе Спинозы, которое онъ издалъ при жизни есть „*Богословско-политическій трактатъ*“. (Его книга объ этикѣ, составившая ему извѣстность, есть его посмертное произведеніе).

Это сочиненіе есть изложеніе Св. Писанія (оно трактуетъ о библіи). Что именно думалъ Спиноза о библіи и ея вдохновенности? Это то и будетъ составлять центральный пунктъ интереса для читателей его „*Трактата*“. Слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ главномъ пунктѣ „*Трактата*“, (интересный и замѣчательный, самъ по себѣ) не удовлетворитъ читателя. Важно усвоить это замѣчаніе вполне твердо и не упускать его изъ виду при чтеніи труда Спинозы. Цѣль этого произведенія слѣдующая: Спиноза видитъ, что образъ жизни и занятія христіанскихъ націй, исповѣдующихъ религію библіи, не являются должнымъ ея плодомъ: онъ видитъ только ненависть, жестокость и раздоръ тамъ, гдѣ онъ ожидалъ встрѣтить любовь, радость и миръ въ вѣрованіи, и онъ самъ себя спрашиваетъ: — какая тому причина? — Причина, говоритъ онъ, заключается въ томъ, что эти націи не понимаютъ своей библіи. Придя къ такому заключенію, онъ говоритъ: „я найду „*Богословско-политическій Трактатъ*“. Я докажу этимъ націямъ, что, принимая библію какъ даръ, принимая все то, что она утверждаетъ, признавая весь ея авторитетъ, который отъ нея требуется, — они заблуждаются: библія не говоритъ того, что они думаютъ, что она говоритъ. Я покажу имъ, что она говоритъ на самомъ дѣлѣ, и докажу, что они хорошо сдѣлають, если примутъ истинное толкованіе библіи, взамиъ того призрака, которымъ они себя такъ долго обманывали. Я покажу ихъ правительствамъ, что они хорошо

поступать, реформируя национальные церкви, сдѣлавши ихъ учреждениями, основанными на духѣ истинной библіи, взамѣнъ учреждений, построенныхъ на духѣ ложнаго призрака.

Толкованія христіанскихъ писателей, говорить Спиноза, утратили истинное ученіе о Богѣ. Поэтому, Спиноза рѣшается вернуться къ библіи, вновь ее перечитать съ полнымъ безпристрастіемъ и не принимать за ея ученіе ничего, чему она ясно не учитъ. Онъ началъ съ составленія метода или собранія условій, необходимыхъ для полнаго толкованія Св. Писанія. Условія эти, какъ онъ указываетъ, таковы, что исполнѣ совершенное толкованіе Св. Писанія въ настоящее время невозможно. Такъ, напр., чтобы въ совершенствѣ понять пророка, мы должны быть знакомы съ его жизнью, характеромъ и прослѣдить, при какихъ условіяхъ его книга была составлена, а также въ какомъ видѣ и черезъ какія руки она дошла до насъ. Въ большинствѣ же случаевъ, мы этого теперь не можемъ знать.

Однако, основной смыслъ книгъ Св. Писанія можетъ быть нами постигнутъ. Будучи самъ евреемъ, исполнѣ зная свой народъ и будучи человѣкомъ, обладавшимъ высшей природной силой, Спиноза въ трудной задачѣ достиженія этой цѣли имѣлъ въ своемъ распоряженіи все, что специальное знаніе или выдающіяся способности могли ему дать.

Чѣмъ же (спрашиваетъ онъ), Св. Писаніе, толкуемое непосредственно, (а не съ помощью раввинскихъ преданій или греческой философіи), показываетъ сущность своей святости? — Откровеніемъ, даннымъ Богомъ пророкамъ. Но пророчество, какъ представлено въ Св. Писаніи, есть нѣчто такое, причиной чего законы человѣческой природы, взятые сами по себѣ, быть не могутъ. Ничего, однако, нельзя объ этомъ утверждать, кромѣ того, что ясно провозглашено самими пророками: такъ какъ они являются единственнымъ нашимъ источникомъ познанія въ дѣлѣ, которое не входитъ въ предѣлы нашихъ обыкновенныхъ познавательныхъ способностей. Но невѣжественный народъ, не знающій смысла и оборотовъ еврейскаго языка и не понимающій приѣмовъ писателя, часто ошибочно приписываетъ пророкамъ то, чего они не касались.

Пророки ясно утверждаютъ, что они получили откровеніе отъ Бога черезъ посредство словъ и образовъ: не такъ, какъ Христосъ (непосредственнымъ общеніемъ души съ Духомъ Божіимъ). Пророки превосходятъ другихъ лю-

дей могуществомъ и живостью своей способности образно мыслить, но не совершенствомъ своего духа. Въ этомъ заключается причина, что они видятъ все образно и выражаются такъ разнообразно и иносказательно, когда они говорятъ, о природѣ Божіей. Такъ, Моисей представляетъ себѣ Бога видимымъ и приписываетъ Ему страсти гнѣва и ревности. Исаія представляетъ Его сидящимъ на тронѣ съ небожителями по правую и лѣвую руку. Даниилъ изображаетъ Его сѣдовласымъ старцемъ въ бѣломъ одѣяніи. Езекииля — въ видѣ огня. Ученики Христа видѣли надъ собой Духа Божіаго въ видѣ голубя. Апостолы — въ видѣ огненныхъ языковъ.

Откуда же пророки могутъ быть увѣренными въ истинности откровенія, которое они получили путемъ воображенія, а не помощью мыслительнаго процесса? Одна только идея можетъ имѣть несомнѣнный смыслъ сама по себѣ, а не воображеніе. Чтобы увѣриться въ истинѣ того, что имъ было раскрыто, имъ пришлось на помощь процесъ разсужденія. Они должны были основываться на свидѣтельствѣ знаменья и на свидѣтельствѣ своего собственного сознанія, что сами они были благочестивыми людьми и говорили отъ имени Бога. Ни одно свидѣтельство не было полнымъ одно безъ другого. Даже и хорошій пророкъ нуждается въ подтвержденіи своего посланія знаменіемъ. Но худой пророкъ, изрекалъ нечистаго ученія, конечно, не имѣетъ вѣры въ свое ученіе, даже когда онъ якобы подтверждаетъ его знаменіемъ. Свидѣтельство доброй совѣсти было, поэтому, для пророка главнымъ источникомъ несомнѣнности. Однако и она была лишь несомнѣнностью нравственной, а не математической, потому что ни одинъ человѣкъ не можетъ быть исполнѣ увѣреннымъ въ своей добротѣ.

Сила воображенія, сила чувствованія добра и благочестія въ обыденной жизни служили единственной важной характеристикой истиннаго пророка. Но для цѣли посланія, для откровенія, которое Богъ поручилъ ему передать, это было достаточно. Сущность этого откровенія была: *„Вырви изъ Бога и веди хорошую жизнь“*. Быть посредникомъ этого откровенія не дѣлало человѣка болѣе ученымъ. Онъ послѣ того зналъ столько же, сколько и до этого. Это объясняетъ противорѣчивыя и умозрительно ложныя мнѣнія о Богѣ и законахъ природы, которые принимали патриархи, пророки и апостолы. Авраамъ и патриархи знали Бога только какъ El-Sadaï, могущество, которое даетъ каждому человѣку то, что ему

необходимо. Моисей зналъ его какъ *Иегову*, самобытное существо, но представлялъ Его себѣ одареннымъ человѣческими страстями. Самуилъ представлялъ себѣ, что Богъ непреклоненъ въ своихъ повелѣніяхъ, Іеремія — наоборотъ. Исусъ Навинъ однажды, въ день великой побѣды, когда почва была покрыта градомъ, видя дневной свѣтъ дольше обыкновеннаго и сочтя это за особый знакъ обѣщанной ему божественной помощи, объявилъ, что солнце тогда стояло. Повинуясь сами Богу и будучи вдохновенными руководителями другихъ въ повиновеніи и благой жизни, Авраамъ и Моисей не были метафизиками, также какъ Исусъ Навинъ не былъ натурфилософомъ. Его откровеніе не измѣнило созерцательнаго воззрѣнія каждаго изъ пророковъ, какъ не измѣнило ни его характера, ни слога. Гнѣвный Елисей прибѣгалъ къ музыкѣ, какъ природному успокоенію, прежде чѣмъ дѣлаться провозвѣстникомъ повелѣній Иеговы. Высокопарные Исаія и Наумъ, обладаютъ слогомъ, соответствующимъ тѣмъ условіямъ, въ которыхъ они находились; также какъ простоватые Езекииль и Амонъ — соответственно ихъ условіямъ. Однако, мы не должны обращать вниманіе на созерцательныя воззрѣнія того или другого пророка, такъ какъ въ своихъ пророчествахъ онъ говорилъ какъ обыкновенный человѣкъ. Только въ то время, когда онъ возбуждалъ своихъ слушателей повиноваться Богу и вести хорошую жизнь, тогда только онъ былъ посредникомъ божественнаго откровенія.

Познавать и любить Бога — есть высшее благословеніе человѣка и одинаковое для всѣхъ людей. Къ этому призвано *все человечество*, а не какой нибудь одинъ народъ. Собственно Божественный законъ есть путь жизни для достиженія этого высшаго изъ человѣческихъ благословеній: это законъ всемірный, начертанный въ сердцахъ и общій для всѣхъ людей. Человѣчскій законъ есть путь жизни для достиженія и сохраненія временнаго обезпеченія и благосостоянія. Этотъ законъ предписанъ законодателями и каждая нація имѣетъ своего законодателя. У евреевъ, этотъ законъ былъ изданъ путемъ откровенія, черезъ пророковъ. Его основной принципъ — повиноваться Богу и хранить его заповѣди, и, поэтому онъ былъ названъ также божественнымъ въ извѣстномъ смыслѣ. Но, тѣмъ не менѣе, онъ былъ установленъ въ виду только конечныхъ временныхъ условій. Даже истинно нравственное значеніе и божественное предписаніе этого закона: — Дѣйствовать ради божественной справедливости и быть мя-

лосерднымъ къ ближнему, — означало для вѣтхозавѣтнаго еврея только его ближнихъ — евреевъ соотечественниковъ, и имѣло въ виду благосостояніе и упроченіе только еврейскаго общества. Евреи должны были повиноваться Богу и хранить Его заповѣди для того, чтобы долгоденствовать и благоденствовать въ странѣ, которая имъ была дана. Ихъ избраніе было временное и продолжалось только, пока существовало ихъ государство.

Само Писаніе поучаетъ, что есть всемірный божественный законъ, что онъ данъ для всѣхъ народовъ одинаково и есть законъ, истинно сообщающій вѣчное благословеніе. Соломонъ, мудрейшій изъ Евреевъ, зналъ этотъ законъ, и немногіе мудрые люди всѣхъ націй всегда его знали. Но большинству евреевъ (какъ и во всемъ человечествѣ) этотъ законъ былъ неизвѣстенъ и онъ не имѣло понятія о его нравственномъ дѣйствіи, о его *vera vita*, которая ведетъ къ вѣчному благословенію и знали лишь насколько дѣйствіе сопровождалось предписаніями временнаго закона. Когда паденіе еврейскаго государства повлекло за собою паденіе ихъ временнаго закона, то они вмѣстѣ потеряли и свой единственный путь къ вѣчному благословенію.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪЯВЛЕНІЯ

ИЗДАНІЯ ШВЕЙЦАРСКАГО ОТДѢЛА

„СВОБОДНАГО СЛОВА“

	Цѣна.
1. Конференція въ Гаагѣ. Обмѣнъ мнѣній шведскаго общества и Л. Н. Толстого.	фт. с. 0.50
2. Что такое искусство? Л. Н. Толстого. Дополненіемъ и исправленіемъ къ русскому изданію искаженному цензурой.	1.00
3. Правда о Библии. Дж. Голса. Переводъ съ англійскаго. П. Винеръ.	1.50
4. „Свободная Мысль“ за 1899 г. № 1—5 въ цвѣтной обложкѣ.	2.50

ИЗДАНИЯ „СВОБОДНОГО СЛОВА“

	Цена руб. к
1. Напрасная жестокость. В. Чертнова	— 20
2. Голос древней церкви въ защиту свободы вѣры. И. Трегубова	— 12
3. Помогите! Обращение къ обществу по поводу гонимых на Кавказскихъ духовоборовъ, составленное П. Бирюновымъ, И. Трегубовымъ и В. Чертковымъ	— 12
4. Положение духовоборовъ на Кавказѣ въ 1896 г. и необходимыя средства облегченія ихъ участи. П. Бирюнова и В. Чертнова	— 20
5. Письма Петра Вас. Ольховика, отказавшагося отъ воинской повинности въ 1895 г., письмо Л. Н. Толстого и другія свидѣнія, относящіяся къ этому дѣлу	— 40
6. Какъ читать Евангеліе и въ чемъ его сущность? Л. Н. Толстого	— 12
7. Приближеніе конца. Л. Н. Толстого	— 12
8. Обь отношеніи къ государству. Его же	— 20
9. Царство Божіе внутри насъ. Его же	1 —
10. Христіанское ученіе. Его же	— 50
11. Гдѣ братъ твой? В. Чертнова	— 20
12. Голодь или не голодь? Л. Н. Толстого	— 10
13. Мой отказъ отъ военной службы (Ближниси военнаго врача). А. Шарвана	— 75
14. „Свободное Слово“ № 1, періодическій сборникъ подъ редакціей П. И. Бирюнова	1 —
15. „Листокъ Свободнаго Слова“, № 1, временное изданіе подъ редакціей В. Г. Чертнова	— 20
16. „Листокъ Свободнаго Слова“, № 2	— 20
17. Жизнь и смерть Е. П. Дрожжина, составилъ Е. Поповъ, съ послѣсловіемъ Л. Н. Толстого	— 75
18. Николай Палкинъ. — Работники Емельянь и вустой барабанъ. — Дорого стоять. Л. Н. Толстого	— 20
19. „Свободное Слово“ № 2	1 —
20. „Листокъ Свободнаго Слова“, № 3	— 30
21. Воскресеніе, романъ Л. Н. Толстого, печатается отдѣльными выпусками	
22. „Листокъ Свободнаго Слова“ № 4: „Стыдно“. Л. Н. Толстого	— 5
23. „Листокъ Свободнаго Слова“ № 5: „Письмо къ фельдфебелю“, Его же	— 5
24. „Листокъ Свободнаго Слова“ № 6: „О манифестаціяхъ въ пользу мира“.	— 15
25. „Листокъ Свободнаго Слова“ № 7: „Мысли Герцена“.	— 5

Выписывающіе за границей книги изъ складовъ за пересылку не платятъ.

Каталоги высылаются бесплатно.

СОЧИНЕНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО
(Изданіе М. Элиидина).

Исповѣдь	Фр. 3
Критика Догматическаго Богословія	" 6
Соединеніе и переводъ четырехъ Евангелій	
тт. I, II и III	12
Въ чемъ моя вѣра	" 4
Краткое изложеніе Евангелія	" 4

Какова моя жизнь	Фр. 3
Деньги	" 2
Такъ что же намъ дѣлать	" 4
О жизни	" 3
Крейдерова соната съ послѣсловіемъ	" 3
Царство Божіе внутри насъ	" 7
Христіанство и Патріотизмъ	" 2
О религіи и нравственности	" 1 50
Письма Л. Н. къ разнымъ лицамъ по 1 фр. и 50 с.	

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА „СВОБОДНОЕ СЛОВО“

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ

ДВА НОВЫХЪ ИЗДАНИЯ РОМАНА

Льва Николаевича Толстого

„ВОСКРЕСЕНІЕ“

1. Въ двухъ томахъ съ толстой бумагой съ 33 иллюстраціями художника Л. О. Пастернака.

Цена:

Въ обложкѣ: 4 руб. — 10 фр. 50 с.
Въ переплетѣ: 5 р. — 13 фр. 25 с.

2. Удешевленное на тонкой бумагѣ въ одномъ томѣ.

Цена 1 руб. 25 к. — 3 фр. 30 с.

Можно покупать и выписывать изъ редакціи „Свободной Мысли“ PAUL VIKOFF, Ancienne route de Bernex, 49. Onex, près de Genève. Въ редакціи „Своб. Мысли“ имѣется также нѣкоторый запасъ отдѣльныхъ выпусковъ 1-го изданія, цѣною по 50 сент. за выпускъ для пополненія разрозненныхъ экземпляровъ.

Всѣ изданія, какъ англійскаго, такъ и швейцарскаго отдѣла „Свободнаго Слова“ можно получать въ Парижѣ въ книжномъ магазинѣ: Société Nouvelle de librairie et d'édition. Rue Cujas, 17, Paris.
(Улица Кюжась близъ Пантеона).

Редакторъ-издатель П. Вирюковъ.

Imprimerie Ukrainienne. R-te Caroline 11. Genève.